

Балетные грезы в юбилейном марафоне

К дню рождения Майи Плисецкой открылись две фотовыставки

Майя Крылова

Майя Плисецкая, которая сильно натерпелась от советской власти, любит рассказывать историю о художнике Льве Збарском. Однажды тот нарисовал черта, и ему сказали: «Ваш черт слишком модернистский». Збарский ответил: «Я нарисую реалистически, вы только предоставьте натуру».

Примерно в таких же сюрреалистических условиях творила она сама. Но Плисецкая, если ее спросить, отвечает рассуждения о судьбе, целиком подвластной обстоятельствам. Ее принцип: «Судьба — это характер». О характере Майю Михайловну даже и не спрашивают — с первой секунды общения видно, что перед вами пожизненный боец. А про роль интеллекта в балетной профессии Плисецкая с юмором сообщает: «Любой человек должен иметь голову на плечах. Хотя для балерины важно, чтобы голова была на шее».

Изумительно красивой, невероятно длинной, лебединой шеей Плисецкой можно полюбоваться на двух фотовыставках, развернутых в Новинском пассаже и в Манеже. Особенно представительна вторая, организованная московским Домом фотографии. Кроме известных снимков, здесь много редких фотографий из частных коллекций. И все фотографии — в жизни и на сцене, от раннего «Лебединого озера» до поздних «Федры» и «Айседоры» — заставляют сомневаться в истинности фразы «идеал недостижим». Может, и так, но не в тот момент, когда разглядываешь снимки Плисецкой.

На снимках она совершенно разная: строгая и бесшабашная, то вакханка, то мечта романтика. Вместе с Кеннеди, Гагариным, Шагалом, Шанель, Синатрой. И с дочерью Льва Толстого. С веера-

Легендарная Плисецкая на фоне легендарных экспонатов.

Фото Евгения Зуева (НГ-фото)

ми, с кастаньетами, с зонтиком, в балетной пачке и в домашнем халате, на руках у папы через год от рождения и на репетиции в Америке рядом с Михаилом Барышниковым. На одной из фотографий Пьер Карден примеряет на Плисецкой платье к ее балету. Кутюрье работает не с юной моделью, а со зрелой жен-

щиной. Но если б все модели мировых подиумов с их ногами от ушей и улыбками на продажу держались и двигались, как Плисецкая, Карден и прочие модельеры стали б в десять раз богаче, чем сейчас. Потому что трудно представить клиентку домов моды, которая, увидев, как сидит костюмчик на Плисецкой, тут

же не захотела бы купить эту одежду себе.

Если суммировать высказывания в ее адрес, прозвучавшие на вернисажах, то места в газете не хватит и на половину. «Год Плисецкой начался», — восклицал Андрис Лиэпа. «У Плисецкой нет возраста, как нет возраста у жизни», — уверял Владимир

Зельдин. «Плисецкая — символ сумасшедшей энергии», — сообщал журналистам Бари Алибасов. Толпа на обоих вернисажах не давала юбилярише шагу ступить, чуть не задушив ее восторгами. Как коряво, но восторженно выразился один из поклонников, «кто не мог кланяться физически, преклонял колено в душе». Пользуясь случаем, обозреватель «НГ» расспросил некоторых гостей выставок об их собственной Плисецкой.

Владимир Познер, телеведущий

«Впервые я увидел танец Плисецкой, когда мне было 15 лет. Мы в это время жили в Германии, туда приехала труппа Большого театра. Я ничего не понимал в балете, но помню, что Плисецкая произвела сильнейшее впечатление. Это было что-то совершенно невероятное. Потом я приехал в Москву, смотрел ее спектакли много раз. Сказать, что больше всего нравится, трудно. Пожалуй, все-таки «Умиравший лебедь». Когда я посмотрел этот номер впервые, чуть с ума не сошел. Никогда ничего подобного не видел и не увижу».

Мария Арбатова, писатель

«Я из поколения, в котором все люди, прочитавшие больше двух книжек, — автоматически фанаты Плисецкой. Весь советский балет того периода фактически развивался вокруг нее. Мой первый муж, оперный певец, был стажером Большого театра, так что я имела возможность приходить за кулисы и оттуда смотреть спектакли Плисецкой именно тогда, когда попасть в Большой было невозможно. Я восхищалась ее «Кармен-скитой» и «Гибелью розы». Когда Плисецкая танцевала эти спектакли, она была уже не юной девушкой. Но, как выяснилось, для нее это не имело большого значения. Молодость может пройти, а гениальность остается».